

Когда Сяо И и Сунь Цян закончили грузить связки хвороста на повозку, запряжённую мулом, над деревней Сяохэ ещё не рассвело. Городские ворота открывались в час Мао, и им двоим нужно было успеть доставить хворост к воротам уезда Таоли ещё до их открытия. За вход в город с каждого брали по одному вэню, и эти расходы приходилось закладывать в цену хвороста: целую повозку можно было продать за сто вэней.

Перед выходом Сяо И первым делом набрал ведро воды и напоил мула, затем высыпал свежий корм в каменные ясли. Мул опустил голову и принялся жадно жевать крупными глотками, а насытившись и напившись вдоволь, легонько потёрся о Сяо И своей тяжёлой, неповоротливой головой.

Мул принадлежал семье Дацияна*. Их дома стояли стена к стене, и Сяо И, когда ему было нечем заняться, частенько перелезал через стену, чтобы проведать мула, так что тот его хорошо знал. Как-то раз он так наступил на верх стены, что та обвалилась. В это самое время Дациян с женой, тяжело пыхтя, как раз «делали человека». Раздался оглушительный грохот, и Дациян, на ходу подтягивая штаны, выскочил наружу. Посреди ночи пришлось вставать и чинить стену: ведро жёлтой глины, ведро измельчённой сухой травы, а напоследок Дациян ещё уложил поперёк стены ряд деревянных шипов.

(ПП: Дациян – прозвище Сунь Цяна, буквально: «Большой Цян» (или «Старший Цян»)).

После этого Сяо И больше через стену не лазил.

— Брат, мы ведь сегодня опять не нарвёмся на тех парней, что в прошлый раз?

Даже в торговле хворостом была своя конкуренция. Из окрестных деревень его возили продавать многие, а Сяо И с товарищами просили на два вэня дешевле остальных и торговали честнее, чем вызвали недовольство у конкурентов, так что однажды тех двоих даже зажали в переулке.

Сяо И уже давно всё разузнал: те несколько человек ничего собой не представляли.

— Если сами полезут задираться, мы тоже бояться не станем. Так отделаем, что папу с мамой звать будут, — Сяо И одной рукой поднял связку хвороста и с глухим стуком надёжно уложил её на телегу.

Сунь Цян сказал:

— Давай позовём Шуньцзы. Нас будет трое - чем людей больше, тем и силы больше.

Сяо И покачал головой:

— Шуньцзы ещё не женат. Если разнесётся, что он участвовал в драке, будет неприлично. В

такие дела его не втягивай.

— Брат И, но ты ведь тоже ещё не женат.

Сяо И замер и лишь через мгновение негромко произнёс:

— У меня другое.

Дацяну нечего было на это ответить. И у него, и у Шуньцзы были родители, а у Сяо И - никого.

.....

Утренние улицы уезда Таоли уже кишели людьми. Въехав в город с целой повозкой хвороста, они первым делом отправились в закусочную семьи Ли, чтобы съесть по чашке горячих-прегорячих суповых лепёшек. И лишь когда тепло разлилось по животу и появились силы, они принялись колесить по большим улицам и маленьким переулкам, выкрикивая свой товар.

После той драки в переулке конкуренты некоторое время не осмеливались снова искать неприятностей, и жить стало куда спокойнее. У деревенских мужчин всё было просто: если словами разобраться не получается, остаётся смотреть, у кого кулаки крепче.

Сегодняшняя цель была одна - распродать весь хворост. Повозка стоила сто вэней, и они с Дацяном делили выручку поровну. Медяков на руки выходило не так уж много, но если понемногу откладывать одну сумму за другой, вполне можно было без тревог пережить зиму.

А если купить ещё цзинь мяса да цзинь вина, то и Новый год одному встретить более чем достаточно.

— Эй, продавцы хвороста, погодите!

Из переулка вышла женщина с ребёнком на руках. Маленький сорванец ревел без передышки и, увидев, что мать вышла из дома, принялся требовать купить ему сладостей.

Мать раздражённо шлёпнула сына по заднице:

— Только попробуй ещё раз зареветь! Сегодня у твоей матери настроение хорошее, а не то получила бы ты у меня сполна!

Когда Сяо И и Сунь Цян подошли ближе, она тут же сменила выражение лица на улыбчивое. Подойдя с ребёнком на руках, женщина мельком осмотрела хворост: весь сухой, да и продавцы знакомые, так что проверять особо не требовалось. Целой повозки сухого хвороста хватало

примерно на полмесяца, к тому же здесь он стоил дешевле, чем у других. Женщина была несказанно довольна тем, что сумела купить выгодно. Два вэня - вроде бы немного, но и на них можно было купить яйцо.

В этом и заключалась трудность ведения хозяйства: накопления складывались именно так - по одному, по два вэня, буквально выцарапанных из повседневных расходов. Даже её придирчивая свекровь в этом отношении не могла найти к ней никаких претензий.

Удачно сторговавшись, женщина заметно повеселела и даже на сына теперь смотрела куда ласковее. Напевая себе под нос, она радостно вернулась во двор.

Брови Сяо И приподнялись, в выражении лица появилось удовольствие. Покупатель доволен, значит, и за хворост платит без лишних препирательств, а у него есть заработок.

Полученные сто вэней они с Дацияном разделили поровну. Услышав, как медяки звенят в маленьком, покрытом заплатами кошельке, Сяо И подбросил его на ладони, и улыбка на его лице стала ещё шире.

— Подожди меня у городских ворот. Я схожу в кузницу. Мой привычный нож сломался, попрошу кузнеца Ли его подправить.

С детства Сяо И любил возиться с мечами, ножами и копьями. Когда его ровесники ещё бегали в штанишках с прорезью, он уже обнимал колун для хвороста и катался с ним по земле. В ту пору его родители ещё были живы и очень его баловали, поэтому отец выстругал ему деревянное копье для игр.

После смерти родителей Сяо И немного повзрослел, и деревянное копье осталось лишь стоять в главной комнате как память. А себе он за деньги заказал настоящий, заточенный нож и с тех пор носил его с собой повсюду.

.....

Небольшой уезд Таоли делился на восточный и западный рынки. Каналы, речные протоки, улицы и переулки переплетались между собой, словно сеть тропинок. Сразу за северными воротами находилась пристань, куда со всех сторон прибывали грузовые суда из окрестных селений и городков. Когда в полях наступало затишье, Сяо И приходил сюда подрабатывать.

На восточной стороне пристани как раз было особенно людно. Здесь показывали боевые трюки и представления с обезьянами, собравшиеся вокруг зрители смеялись и бросали артистам по одному-два вэня на награду. А когда исполнители начинали извергать огонь изо рта или лезть в котёл с маслом, у зрителей уже перехватывало дыхание. Некоторые закрывали глаза, не решаясь смотреть дальше, не говоря уже о хождении по канату, восхождении на «огненную гору» и прочих опасных номерах...

Сяо И тоже подошёл поближе поглазеть на представление. Досмотрев, он со звоном бросил артистам одну медную монету и одобрительно крикнул. Затем его взгляд скользнул по толпе, и он направился туда, где на пристани таскали тяжёлые тюки.

До осенней жатвы было ещё далеко, сейчас как раз стояло свободное от полевых работ время. Если удастся найти хозяина, которому нужно разгрузить товар, можно было заработать ещё двадцать-тридцать вэней.

Внезапно его взгляд остановился на правой стороне пристани, и шаги на миг замедлились.

Говорили, что несколько дней назад в соседнем уезде Хэси прорвало дамбу. Вода хлынула в город, и всего за одну ночь весь уездный центр превратился в бескрайнее водное пространство. Больше всего, как всегда, страдали простые люди. Всё нажитое за целую жизнь оказалось погребено под водой, семьи распались, люди погибли, а уцелевшим пришлось скитаться без крова. Часть беженцев добралась до ближайшего Таоли, но из-за их статуса переселенцев им пока не разрешали входить в город.

Среди грязной, оборванной и беспорядочной толпы вдруг выделялась пара ясных ярких глаз, совершенно не сочетавшихся со всем вокруг. Владелец этих красивых глаз поднял голову, и его взгляд неожиданно встретился со взглядом Сяо И.

После многих дней скитаний и изнурительной дороги красная родинка у внешнего уголка глаза молодого гэра поблекла и почти потеряла цвет. Он сидел на корточках в углу, стараясь спрятать своё маленькое, худое тело. Гэр крепко сжимал край одежды. В его глазах читались страх и настороженность перед незнакомым мужчиной, а исхудавшие до костей руки были покрыты ранами.

Люди вокруг выглядели почти так же: бегство от бедствия истощило всех до изнеможения.

Сяо И лишь раз взглянул на него и уже собирался уйти, когда краем глаза заметил маленькую деревянную дощечку, висевшую у гэра на шее: «Продам себя. Пятьсот вэней».

Всего за пятьсот вэней он собирался продать самого себя.

Он был слишком слаб и худ: ни тяжести на плечах не понесёт, ни руками толком работать не сможет, поэтому богатому дому покупать такого было невыгодно. К тому же от голода его щёки совсем впали, и разглядеть, красив ли он, было трудно, так что и те, кто искал личного слугу, не обращали на него внимания.

При всей горечи и тяжести происходящего Сяо И всё же не удержался от беспомощной усмешки. Где это видано, чтобы молоденький гэр продавал себя так дёшево? В мирные и благополучные времена за пятьсот вэней уж точно не купить чистого, невинного гэра.

Однако Сяо И не стал вникать глубже. Пристальный взгляд незнакомого мужчины мог лишь сильнее напугать человека. К тому же сам он был человеком небогатым и возможностей имел немного. Уже хорошо, если удавалось как следует устроить собственную жизнь; сил и желания заботиться о чужих делах у него не было.

Последние два года всё так и шло: стихийные бедствия и человеческие несчастья не прекращались. Когда они с Дацяном сопровождали караван и однажды добрались до областного города, даже там, в богатом и роскошном месте, невозможно было избежать жалкого зрелища беженцев.

Обойдя пристань кругом, Сяо И так и не нашёл, где можно подработать. Задерживаться он тоже не стал: в голодный, бедственный год товаров мало, а значит, и работы на разгрузке почти нет. В ближайшие дни он всё равно мог ходить в горы рубить хворост и продавать его, так что какой-никакой доход будет. Сейчас важнее всего было зайти в кузницу и починить нож.

Уже почти дойдя до кузницы, Сяо И сунул руку за пазуху, и выражение его лица мгновенно стало мрачным. Кошелёк пропал, а вместе с ним и пятьдесят вэней.

Пристань была самым беспорядочным местом, где людей всякого рода хватало с избытком, а карманников и грабителей и подавно. Пока он шёл сюда, в него два или три раза кто-то врезался. Скорее всего, именно тогда кошелёк и украли.

Если бы только удалось поймать вора, Сяо И обязательно избил бы его как следует, а потом ещё отправил бы в ямэнь получить палок.

Вскипев от злости, Сяо И зашагал обратно, сжав кулаки величиной едва ли не с мешок с песком. Он и без того был выше большинства ровесников, а с детства обучался кулачному бою у старого деревенского солдата, так что одним своим видом давал понять: лучше его не трогать.

Хорошо ещё, что лицом он был пригож - первый красавец деревни Сяохэ. Поэтому девушки и гэры, даже побаиваясь его, всё равно тайком пробирались к его дому хотя бы одним глазком на него взглянуть.

Из-за пропавшего кошелька Сяо И кипел от ярости и совсем не смотрел под ноги. Едва он вернулся к пристани, как прямо на ровной дороге кто-то налетел ему на грудь. Сяо И был силен и одним столкновением повалил человека на землю. Он уже мысленно выругал того за то, что не смотрит, куда идёт, и раздражённо бросил упрёк, но, вновь встретившись с той самой парой ясных ярких глаз, осёкся на полуслове.

Худенький гэр весь сжался. В глазах стояли слёзы, и было очевидно, что Сяо И напугал его до смерти. Дрожащими руками он достал кошелёк:

— Я... я не крал.

Молодой гэр глубоко вдохнул, вытер непослушно выступившие слёзы и, лишь с трудом сдержав их, продолжил объяснять:

— Ты обронил кошелёк. Они хотели его забрать и подрались из-за него. Я дождался, пока они отвлекутся, тихонько поднял его и остался ждать тебя.

Выражение лица Сяо И сразу изменилось. Оказалось, он всё неправильно понял.

Он забрал кошелёк и убрал его за пазуху. Люди на пристани уже поглядывали в их сторону: поглазеть на чужую неприятность были готовы многие, а помочь - никто. Молодой гэр так и сидел на земле, не зная, куда себя деть.

— Прости. Это я повёл себя слишком опрометчиво и напрасно тебя обвинил. Давай я сперва помогу тебе подняться.

Сяо И было неловко встречаться взглядом с молодым гэром. Хотя он и сказал, что поможет тому встать, сам прикоснуться к нему руками не стал, а подобрал у дороги ветку и протянул её вперёд.

Линь Мудун на мгновение застыл, а затем медленно вытянул руку и ухватился за ветку. Мужчина оказался очень сильным. Линь Мудун уже два дня ничего не ел и был измучен голодом и лишениями, поэтому от одного рывка пошатнулся и едва не упал прямо мужчине в объятия.

— У тебя рука поранена. Наверное, ободрал её о землю. Как раз у меня с собой есть лекарство для ран, сначала намажь.

Когда они ходили в горы рубить хворост, мелкие травмы были обычным делом, поэтому Сяо И носил с собой самое дешёвое и самое простое средство от ран. При нанесении оно немного щипало, но всё же помогало заживлению.

Линь Мудун украдкой взглянул на Сяо И, поднял руку и вытер влагу в уголке глаза, словно пытался определить, плохой ли перед ним человек.

Мужчина извинился перед ним и даже дал лекарство.

После недолгого размышления вывод был сделан: не злой человек. Тогда Линь Мудун осторожно протянул руку и принял лекарство.

Денег на лекарства у него не было. Если он сам получит рану и оставит её без лечения, то не

сможет позаботиться даже о бабушке - своём единственном родном человеке.

Взяв лекарство, Линь Мудун всё равно снова спрятался под большим деревом. Это дерево было единственным пристанищем, которое оставалось у него и бабушки.

Сяо И немного поколебался, но всё же шагнул следом. И уже в следующий миг перед ним предстала совсем иная картина: за деревом едва хватало места для одной рваной соломенной циновки, а на ней с закрытыми глазами лежала пожилая женщина лет пятидесяти с небольшим.

Заметив, что мужчина последовал за ним и остановил взгляд на его бабушке, Дун-Дун на мгновение запаниковал. Глиняный горшочек с лекарством опрокинулся на землю. Он поспешно бросился к бабушке, заслоняя её собой, весь мгновенно ошетинился настороженностью, словно маленький зверёк, готовый защищаться, и, не шевелясь, пристально уставился на Сяо И.

Сяо И слегка нахмурился, присел перед ним и сказал:

— В ближайшие дни власти должны разместить беженцев. Но здесь жить нельзя: ни от ветра, ни от дождя не укрыться. Если сможешь мне довериться, я найду для вас место.

Когда Сяо И не сердился, он был человеком открытым и жизнерадостным, а на лице при встрече с людьми обычно появлялась свободная, приветливая улыбка, невольно заставлявшая окружающих ослабить бдительность.

Дун-Дун посмотрел на него, очень, очень долго колебался и наконец кивнул. Даже самое большое дерево не укроет от ливня и сильного ветра. Когда польёт дождь, куда ещё смогут деться они с бабушкой? Кроме как поверить этому мужчине, у Линь Мудуна иного выхода не оставалось.

Увидев, что тот согласился, Сяо И с облегчением выдохнул:

— Раз так, подожди меня здесь.

У городской стены, рядом с пристанью, тянулся ряд крытых соломой навесов - простенькая чайная для грузчиков, где те могли передохнуть. Когда Сяо И и Дацян уставали таскать тяжёлые тюки, они тоже приходили сюда выпить чашу воды. Хозяевами были двое супругов средних лет, оба добродушные и честные люди.

Сяо И подошёл к ним и некоторое время о чём-то договаривался. Неизвестно, что именно он сказал, но супруги тут же согласно закивали. Затем Сяо И достал из-за пазухи кошелек и отложил десять вэней. Это были деньги, которые он сегодня заработал на продаже хвороста. Он на миг поколебался, после чего достал ещё двадцать вэней - всего получилось тридцать.

Не позднее чем через три дня власти должны были расселить беженцев. Одна чашка каши из смешанных злаков стоила три вэня, так что этих денег им должно было хватить, чтобы продержаться несколько дней.

Договорившись с хозяевами, Сяо И устроил всё так, чтобы днём супруги продолжали торговать, а ночью позволяли бабушке с внуком спать под соломенным навесом, по крайней мере, у них будет крыша от дождя. Он помог перенести старушку на спине под навес и устроить её поудобнее. После этого Сяо И огляделся: посетителей становилось всё больше. Внутренне он вскрикнул, что дело плохо. К полудню он обещал встретиться с Дацияном за городом.

Сяо И ещё раз обернулся на молодого гэра, который ухаживал за бабушкой, на миг замешкался, а затем развернулся и побежал за город.

Небольшой соломенный навес стал временным пристанищем для бабушки и внука. Супруг хозяина принёс две чашки каши из смешанных злаков, ещё горячей, только что снятой с огня. Дун-Дун, не евший уже два дня, невольно сглотнул слюну.

Его губы потрескались от жажды. Он испуганно покачал головой и тихо сказал:

— У меня нет денег, чтобы заплатить вам.

Во взгляде супруга хозяина появилась мягкая, почти родительская теплота. У него самого был гэр примерно того же возраста, и потому он особенно не мог спокойно смотреть, как страдают чужие дети. Он улыбнулся:

— Ешь спокойно. За тебя уже заплатили.

Дун-Дун, держа в руках горячую чашку с кашей, застыл. Он обернулся назад, но силуэт мужчины уже исчез.

<http://bllate.org/book/19002/1868437>